

НАРОДЫ СССР

«Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. III. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. 91. М., 1965, 222 стр.

Вышел очередной, третий выпуск «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (отв. редактор Р. С. Липец). В отличие от первого выпуска третий выпуск «Очерков», как и второй, содержит много статей, которые публикуются впервые, и это придало сборнику тот интерес, с которым встречается новое в науке. В темах и подходе к их освещению сборник существенно дополняет сведения и факты, уже известные историографии. Здесь в первую очередь надо назвать статьи И. М. Колесницкой, В. Е. Гусева, М. Я. Мельц, С. И. Вайнштейна. Вводят в научный оборот новые архивные материалы В. Ф. Горленко, Р. С. Липец и Т. С. Макашина, Э. В. Померанцева и другие авторы.

Несколько статей посвящено изучению деятельности научных обществ — центров фольклористических, этнографических и антропологических исследований в России, начиная с 40-х гг. XIX в. до первых десятилетий XX в. Статья В. Ф. Горленко «Комиссия для описания губерний Киевского учебного округа» восполняет существенный пробел в истории этнографии половины XIX в. История деятельности Комиссии, предшественницы Юго-западного отдела РГО, впервые стала объектом специального разбора. Даже в капитальной «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина (т. III) ей не было уделено внимания. В. Ф. Горленко самым тщательным и обстоятельным образом описал историю создания Комиссии, определил сферу ее деятельности, дал характеристику работы ее членов: Д. П. Журавского, А. Л. Метлинского, В. Д. Дабижи, Н. А. Марковича, А. С. Афанасьева-Чужбинского и др. Однако некоторые стороны деятельности Комиссии, взгляды ее активных членов оказались раскрытыми слишком общо, без надлежащих пояснений. Так, критикуя «Программу для этнографического описания губернии Киевского учебного округа» (Киев, 1854), В. Ф. Горленко считает недостатком то, что на первое место поставлено изучение духовно-моральных песен (стр. 27). Какие песни имеются в виду? Духовные стихи? Что означало это «первое место»? Уступку официальной морали, желание обезопасить деятельность Комиссии или мировоззренческий научный принцип? Автор статьи отсылает читателя к своей статье в журнале «Народна творчисть та етнографія» (1957, № 4), в которой содержание «Программы» изложено подробно, но хотя бы краткие выводы он должен был дать и здесь.

В статье Р. С. Липец и Т. С. Макашиной «Роль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в организации русской этнографической науки» обстоятельно изложена история создания Общества. Авторы говорят об организации выставок — особенно подробно о первой, 1867 года, укрепившей самое существование Общества. Статья рассказывает об экспедиционной работе Общества, о сети его корреспондентов. Организационная роль Общества хорошо охарактеризована в приведенных отзывах современников-ученых, в письмах корреспондентов, желавших принести пользу науке. Авторам статьи удалось показать демократическую природу начинаний Общества. В этом отношении показательны высказывание К. А. Тимирязева о массовых «воскресных чтениях», устроенных Обществом в аудитории Политехнического музея: «...мне представляется, что здесь, в зачаточной форме, в микроскопических размерах, но все же проявляется начало осуществления колоссальной задачи будущих веков, что это только начало расплаты того веками накопившегося долга, который наука, цивилизация, рано или поздно, должна же вернуть тем... на плечах которых они совершали и совершают свое торжественное шествие» (стр. 50). В статье лучше показана деятельность Общества до 1905 г. — больше фактов, обстоятельности, чем в последующее время, когда оно вступило в полосу серьезного кризиса, из которого Общество не вывел и торжественно отмеченный юбилей — пятьдесят лет существования. Кризис был вызван общим отходом либеральной интеллигенции от идей демократии. Кризисные явления, свойственные всей либерально-буржуазной науке этой поры, выразились в эклектизме методов и приемов исследования, о котором говорится в статье, и пр. В этой сложной обстановке формировались воззрения самого молодого поколения ученых. Вся совокупность сложных социальных условий после 1905 г. отразилась на работе Общества, и на это обстоятельство надо было бы указать со всей ясностью, не боясь, что это нарушит план статьи: ведь организационная и научно-исследовательская деятельность, как правило, связаны друг с другом.

К статьям, посвященным деятельности организационных центров науки, примыкает работа М. К. Азадовского «Значение Географического общества в истории русской фольклористики». Это доклад, сделанный им на II Всесоюзном Географическом съезде (25—31 января 1947 г.). Публикация в «Очерках» не содержит каких-либо новых фактов или нового их освещения сравнительно с уже изданной «Историей русской фольклористики» (т. I, М., 1958, с. стр. 471—478; т. II, М., 1963, стр. 16 и след.). Есть

здесь и текстуальные совпадения. В докладе М. К. Азадовского настойчиво и прямо проводится мысль о преемственных связях между научными принципами самого учебного и теми принципами, которые он усматривает в деятельности ученых XIX в. М. К. Азадовский выделяет в работе ученых, связанных с РГО, то, что кажется ему наиболее важным, и оставляет без внимания или без надлежащей оценки некоторые другие важные стороны деятельности РГО. Поэтому в обзоре весьма осведомленного автора остался, на наш взгляд, недооцененным этнографический; в широком смысле народоведческий, смысл публикаций и фольклорного собирательства в XIX в., в том числе работ Д. К. Зеленина. Имя этого ученого названо лишь в связи с описанием Ученого архива Общества (стр. 6). Сомнения вызывает усматриваемая М. К. Азадовским связь деятельности РГО с передовыми идеями 60-х гг. — «в орбите идей 60-х годов» (стр. 11). Следует, конечно, помнить, что обзор фольклористической деятельности РГО был сделан М. К. Азадовским почти 20 лет назад, и поэтому стоит особняком в «Очерках». До сих пор изданные выпуски «Очерков» составлялись только из статей, написанных в результате недавних изысканий, и в этом смысл и ценность серии.

Статьей А. Д. Соймонова «К истории собрания П. В. Киреевского (роль братьев Языковых в его создании)» хронологически открывается группа статей о деятельности отдельных крупных собирателей и ученых, о научных направлениях в истории русской фольклористики. А. Д. Соймонов привлекает к освещению своей темы архивные материалы, позволившие ему по-новому понять обстоятельства, сопутствовавшие сборанию и публикации фольклора в 30-е и 40-е гг. прошлого века. Интересно подробное воспроизведение истории издания духовных стихов в 1848 г. Важно уточнение объема личного вклада каждого из Языковых в собрание Киреевского. Отдавая должное обстоятельности, с какой излагается тема, все же нельзя не пожалеть, что увлечение конкретными разысканиями помешало Соймонову раскрыть некоторые существенные стороны работы собирателей фольклора в ту пору. Историко-фольклористический разбор принципов публикации и собирательства Киреевского и Языковых обрел вид деклараций. общих социологических оценок. Так, на стр. 125 «передовым общественным силам» приписан отказ от представлений, что фольклор — реликт древности. Дилемма: фольклор — реликт древности или современность — не существовала для науки 20-х гг. XIX в. и субъективно привнесена в прошлое. Для А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, декабристов и Языковых это противопоставление не имело никакого смысла. Вот почему и Языковы, которых Соймонов хвалит за интерес к современному фольклору, ценили в устном творчестве и архаическое; так «сановитая древность» (Н. М. Языков), собрание былин осознавались ими как запись поэтического наследства прошлых веков. В своей статье Соймонов касается важного вопроса — принципа «сличения текстов», который был сформулирован Пушкиным для фольклорных публикаций и принят Киреевским, а позднее — А. Н. Афанасьевым и другими публикаторами. Жаль, что Соймонов не раскрыл значения этого принципа; он сразу ставит Киреевского выше последующей позитивистской фольклористики, ценившей конкретный факт отдельной записи больше его осмысления в общем ряду подобных записей. Следствием этого было преувеличение значения отдельной записи и пренебрежение к традиционной основе, устанавливаемой через «сличение» записей-текстов. Вообще надо заметить, что эта тема, к сожалению, осталась совершенно не раскрытой в статье. Поэтому и вывод о новизне принципов Киреевского как собирателя и публикатора, к которому приближается автор статьи, в значительной степени как бы повисает в воздухе.

В основательной статье «Народное поэтическое творчество как исторический источник в исследованиях 50—60-х гг. XIX в.» И. М. Колесницкая с фактами в руках устраняет уже успевшую стать традиционной точку зрения на 60-е гг. как на время борьбы тех, кто усматривал в фольклоре отражение современной крестьянской жизни (это, по преимуществу, революционные демократы), и тех, кто архаизировал фольклор (мифологи и др.). Автор со всей бесспорностью устанавливает широкий исторический взгляд Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, других деятелей 50-х гг. на фольклор. Историческое осмысление фольклора в известной степени было общим достоянием науки тех лет. Почти для всех деятелей того времени фольклор — не только современное крестьянское творчество, но и искусство прошлого. Различные толкования фольклора в разной общественной и научной среде касалось прежде всего самого понимания связи фольклора и действительности, его сущности, места и роли в народной жизни, а отнесение фольклорных произведений к тем или иным эпохам было следствием этих взглядов и отнюдь не сводилось к противопоставлению архаического и современного звучания фольклора. Разбирая взгляды Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Л. Н. Майкова, Д. Л. Мордовцева, Н. И. Костомарова, А. Н. Пыпина, Колесницкая дает почувствовать читателю сложность соотношений различных течений в общественной и научной жизни.

Статья Э. В. Померанцевой «Новые страницы воспоминаний Ф. И. Буслаева», вероятно, не ставит другой цели, кроме как привлечь внимание к неопубликованной части мемуаров Ф. И. Буслаева. Этой цели статья достигает вполне. В обширных отрывках, составляющих основу статьи, приведены интересные в общественно-политическом и любопытные в бытовом плане рассказы о разных событиях, свидетелем и участником

которых был Буслаев. Сопровождающий цитаты комментарий сведен до минимума и служит общим пояснением к цитируемым страницам из «Воспоминаний».

В статье В. Е. Гусева «Историческая школа в русской дореволюционной фольклористике (проблематика и методология)» опровергаются представления о единстве «исторической школы», характеризуется сущность ее метода, социально-политическое лицо этой школы. Гусев глубоко прослеживает истоки взглядов признанного главы «исторической школы» — В. Ф. Миллера, который воспринял многое у своих непосредственных предшественников и современников: М. Е. Халанского, Н. П. Дашкевича и др. В статье говорится и о деятельности С. К. Шамбинаго, В. А. Келтуялы, утirikовавших метод Миллера. Весьма ценны приведенные в статье сведения об отношении Г. В. Плеханова и А. М. Горького к работе Келтуялы. Принимая выводы автора, правильность которых мне кажется несомненной, не могу вместе с тем пройти мимо одного спорного положения. Осудив «историческую школу» за теорию «аристократического происхождения» фольклора, автор статьи все же считает возможным допустить «дружинное» происхождение некоторых былин (см. стр. 93). Если верно, что дружина действовала в интересах народной обороны от внешних врагов и могла частично формироваться за счет социальных низов, то при всем том остается фактом, что как социальная группа она представляла собой среду, отличную от простого люда и по вкусам, и по стремлениям. В устном творчестве вследствие действия «закона» массовости традиций всегда в точном соответствии друг с другом находится общий стиль художественного произведения и социальная характерность творческой среды. Если дружина творила былин, то надо было указать примеры этого творчества в эпических традициях. Гусев, приняв положение о «дружинном» происхождении ряда былин, должен был его аргументировать.

Статья М. Я. Мельц «П. К. Симони — собиратель и издатель русского фольклора» по праву займет место лучшего исследования по истории собирания, изучения и публикации пословиц среди всех существующих работ в этой области науки. Статья отличается тщательностью и обстоятельностью ссылок, солидностью научного аппарата. Автор показывает значительность сделанного Симони, пишет о размахе его замыслов как паремиолога. Во многих случаях в статье намечены те пути, которыми надлежит пойти современному ученому, чтобы сравняться в scrupulозности изысканий и в то же время в широте охвата темы с основоположниками отечественной науки о пословицах. Статью читаешь с чувством благодарности к автору за ту работу, которую он проделал, чтобы отвести Симони место, достойное его дел и многолетнего труда.

Многое приходится сказать о статье Е. И. Коротина «Сборник „Сказки и песни Белозерского края“ братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых». Статья описательная, автор не углубляется в сущность затрагиваемых вопросов. В статье речь идет об организации экспедиции в Белозерье и публикации сборника собранных материалов. Косвенно она связана со статьями о деятельности научных обществ, так как поездки были осуществлены при помощи Московского археологического общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В статье есть много недоказанных утверждений, например, что «изучение индивидуального творчества в сказке было явлением прогрессивным, особенно в годы реакции, в период усиления теории „аристократического происхождения“ фольклора» (стр. 195); что уже в то время Б. и Ю. Соколовы «критически отнеслись к методологии „исторической школы“, господствовавшей в академической науке» (там же).

Работа С. И. Вайнштейна «Феликс Яковлевич Кон как этнограф» представляет содержательный очерк многосторонней деятельности Ф. Я. Кона как исследователя быта якутов и жителей Тувы. В статье прослежена обусловленность направления научной деятельности Ф. Я. Кона его интересами общественного деятеля, революционера. Ценность статьи и в том, что она построена в значительной степени на базе неопубликованных архивных материалов, впервые введенных в науку С. И. Вайнштейном.

Сущность работы В. П. Алексеева «История краниологии народов Восточной Европы и Кавказа» верно охарактеризована в заметке «От редакции», предвещающей книгу: «Принципы комплексных методов изучения человека раскрыты в статье В. П. Алексеева об истории краниологических исследований на территории Европейской части СССР и Кавказа в связи, в первую очередь, с проблемами этногенеза» (стр. 4).

Все сказанное об отдельных статьях сборника дает право заключить, что новый сборник историографических исследований в целом составился из работ, выполненных на высоком научном уровне. Исчезают «белые пятна» на историко-этнографической карте. Частные, казалось бы даже «фрагментарные», исследования готовят почву для появления большого историографического труда по истории науки. Читатели с нетерпением ждут очередных выпусков «Очерков».

В. Аникин